

бородинская тема в журнале «1812-й год»

Выпуск журнала «1812-й год» в честь 100-летия Отечественной войны - это смелая частная инициатива московских издателей и редакторов: Л.Г. Лукьянова, А.Н. Федоровой и В.П. Федорова. В энциклопедии «Отечественная война 1812 года» А.А. Смирнов ошибочно написал, что все 24 номера вышли в 1912 г.¹ Но в юбилейном году было выпущено только 16 номеров, а соединенный №17-24 появился фактически лишь в феврале 1914 г.

По своему содержанию журнал является иллюстрированным историко-художественным, а не художественно-литературным изданием, как его позиционировали редакторы. В журнале публиковали статьи историки И.С. Беляев, К.А. Военский, П.Н. Миллер, Н.П. Поликарпов и др. Редакция журнала выражала надежду на то, что русский народ, «забыв все внутренние раздоры, отбросив партийность, сплоснется воедино для достойного чествования доблестных героев Отечественной войны, отдав должную дань и ее достойным противникам»². В этом издании сконцентрированы материалы о войне и Бородинской битве в частности, о приготовлениях к празднику в России и конкретно на Бородинском поле. Тема Бородина коснулась многих разделов обширной программы журнала. Отголоски этой темы слышались во многих уголках Российской империи.

В журнале читатель мог найти и репортаж А. Левшина о перезахоронении праха генерала Д.П. Неверовского на Бородинском поле, и первое воспроизведение в печати нот соло из кантаты «Бородино» композитора М.М. Ипполитова-Иванова, и сведения о выходе краткого исторического очерка «Бородинское сражение», написанного В.А. Афанасьевым по поручению Спасо-Бородинского монастыря, отзыв об этой работе. В рубрике «Могилы героев Отечественной войны 1812 года» А.Д. Андреев сообщал о заброшенной во Владимире могиле майора Ахтырского гусарского полка князя Д.Н. Голицына, смертельно раненного в Бородинской битве. В заметке звучит призыв: «Ахтырские гусары, помните своих предков!»³. В перепечатке из «Правительственного вестника» узнаем о находке заведующего архивом Министерства императорского двора Л.В. Савелова. Он обнаружил в ризнице Большого Успенского собора хоругви 1812 г., бывшие с московскими ополченцами в Бородинском сражении.

Уже в январском номере редакция журнала обнародовала сведения о высочайшем повелении, устанавливавшем программу празднования. Избранное для него время (август) не случайно: приближался юбилей Бородинской битвы. Местом начала торжеств было избрано Бородинское поле. Их продолжение переходило в Москву. Синод заранее обратился к епархиальным преосвященным с указаниями, чтобы 25 августа, накануне генеральной битвы, было совершено всенощное бдение, а 26-го - торжественная литургия. В эти дни намечались торжественные богослужения и в Петербурге. Из Смоленска в Бородино переносили с крестным ходом чудотворную икону Смоленской Божьей Матери. Для участия в параде на Бородинское поле должны были прибыть полки, представляющие прославленные лейб-гвардии Измайловский и Литовский, гренадерский графа Аракчеева и Черниговский пехотный полки, а также по одной батарее от лейб-гвардии и гренадерской артиллерийских бригад.

В журнале «1812-й год» историк Миллер опубликовал взятые из коллег лекции П.И. Щукина часть дневника подпоручика 1-го пионерного полка Горбунова и дневник безымянного офицера 3-го корпуса Тучкова 1-го (ошибочно назван Тучковым 3-м). В этих документах самым ценным является сообщение о трехдневных боевых действиях на Бородинском поле. Горбунов записал: «... 24 августа началось сильное и упорное сражение, которое кончилось 26-го числа»⁴. Безымянный офицер по содержанию дневника имеет фамилию, вероятно, Коваленский. Уточнение появляется в сообщении о потерях: «Сей день убит брат Илья Петрович Коваленский гвардейской артиллерии и Тимченко. Из нашего полка 3 капитана убито, 14 офицеров ранено и 480 убитых и раненых солдат». Коваленский запомнил степень ожесточения по нарастающей: 24 августа «к вечеру маленькая перепалка была», «25... порядочное сражение было», «26. с утра 5 часов началось сильное сражение»⁵. Возможно, отмеченная динамика боя первых двух дней требует корректировки.

Особо необходимо отметить опубликованные в журнале «1812-й год» материалы по бородинской теме управляющего Московским отделением Общего архива Главного штаба (Лефортовского архива) полковника Н.П. Поликарпова. Редакция журнала поручила «своему сотруднику изложить... боевую хронику за 1812 год несуществующих ныне войсковых частей»⁶, что было им исполнено. По подсчетам архивиста, на памятных плитах храма Христа Спасителя начертаны боевые дела 112 войсковых частей 1812 г., в том числе участвовавших в Бородинской битве ратников Московского ополчения из 1, 3, 4, 6, 7-го пехотных и 1, 2, 3-го егерских полков. Историк восстановил главные дела ратников, исследуя награжденные списки полков. Он так же написал статью «Состав и роль Московского ополчения в Бородинском сражении...»⁷. М.И. Богданович и другие историки считали, что к нашей армии присоединилось 7 тыс. ополченцев. Поликарпов определил по архивным документам количество батальонов, прикомандированных к пехотным корпусам 1-й и 2-й Западных армий: во семь и шесть соответственно. Исследователь нашел основание расчета - наличный состав двух батальонов одного из пехотных полков: 1150 ратников, не считая урядников и офицеров. При четырехбатальонном составе в восьми полках по найденному архивистом расчету в 32 батальонах находилось около 22 тыс. ратников. Половина из них -

на Старой Смоленской дороге в подчинении генерала Маркова. Расчет Поликарпова до наших дней можно считать почти снайперским. Со временные историки А.А. Васильев и А.А. Елисеев насчитали в 32 батальонах около 21 тыс. ратников (на 21 августа)⁸. Архивист замечает, что активно действующие полки ополчения проявили в Бородинской битве мужество, несмотря на недостаточное вооружение.

Поликарпов опубликовал в журнале и «Роспись войсковых частей, участвующих в сражении»⁹, включающую пехоту, кавалерию, артиллерию, инженерные войска, казачьи полки, Московское ополчение. В роспись вошли и те части, которые к 1912 г. были расформированы. Этот документ имеет справочный характер: по нему можно определить новое название полка, которое он получил на момент юбилея.

В следующей работе Поликарпов исследовал личный состав штабов и боевое расписание русских армий при Бородине¹⁰. Основой этой статьи стали месячные рапорты, формулярные и наградные списки войсковых частей за 1812 г. Боевое расписание (ордер-де-баталь), составленное им, он небезосновательно считал «наиболее точным и верным». А опубликованную Богдановичем «Диспозицию для 1-й и 2-й Западных армий. августа 24 дня 1812 года» - «мало соответствующей и действительному расположению их, и действительному составу корпусов, дивизий и отрядов»¹¹. Например, в этой «Диспозиции» отмечено, что правый фланг составляют лишь находящиеся в корпусе-батальи 2-й и 4-й корпуса под командой генерала от инфантерии Милорадовича¹². Поликарпов включает, кроме этих корпусов, другие войска, значительно расширяя их список и уточняя их место положение: Правый наблюдательно-охранительный отряд, командир подполковник Власов 3-й, Масловский правый оборонительный отряд под командованием генерал-майора Пассека, Бородинский передовой отряд, командир полковник Бистром, Горкинский передовой отряд, командир подполковник Дитерихс 3-й. В новом боевом расписании раскрывается состав каждого из названных отрядов.

Поликарпов первым из военных историков описал боевые действия казачьих полков в Бородинской битве¹³ и перечислил полки, участвовавшие в рейде. Историк не учел, что еще в 1859 г. опубликован список этих полков Богдановичем¹⁴. Впервые «Архивист Божьей милостью» (М.К. Соколовский) назвал казачьи полки, оставшиеся в резерве. Среди них 1-й Башкирский конно-казачий. В энциклопедии «Отечественная война 1812 года» С.В. Шведов и В.П. Турусов пишут о том, что в рейде Платова и Уварова участвовал названный башкирский полк, не учитывая исследование Поликарпова¹⁵.

Архивист назвал атаки казачьего корпуса Платова и 1-го резервного кавалерийского корпуса Уварова «тактической демонстрацией». На наш взгляд, этот маневр русской кавалерии можно назвать диверсией, заключающей в себе и демонстрацию. Поликарпов опроверг версию А.И. Михайловского-Данилевского о том, что мысль атаковать левый фланг французов принадлежит только Кутузову. Идея нанесения усиленного удара принадлежит Платову. Историк анализирует рапорт Кутузова Александру I от 22 ноября 1812 г. и убедительно доказывает, что кавалерия Уварова не только приступила к делу, но и завершила его при содействии казаков, перейдя через беззубовскую мельничную плотину. Негативную оценку Кутузовым действий казачьих полков Платова и корпуса Уварова опровергают автоматически новейшее исследование А.И. Попова¹⁶, широко привлечшего зарубежные первоисточники, а также опубликованная десять лет назад А.И. Сапожниковым «Записка атамана Платова о Бородинском сражении»¹⁷.

Русская кавалерия отступила не сразу, долго держала противника в неведении, делая вид, что готовится атаковать. В рядах войск вице-короля было произведено смятение. Действия русской кавалерии на левом фланге противника повлияли, как считает Поликарпов, «не только на ход, но и на исход» битвы. Архивист в таких выводах не был одинок. Та же мысль прослеживается и в сочинении А.А. Жо-мини. От имени Наполеона он с горечью отмечал: «... эта остановка (французской атаки в связи с рейдом русской кавалерии. - В.Ф.) много содействовала неудаче сражения». И далее еще более категорично за явление: «... кавалерийская атака русских на мой левый фланг остановила исполнение атаки, которая, без сомнения, решила бы победу»¹⁸.

Поликарпов публикует впервые краткие сведения о действиях в Бородинской битве отдельного казачьего отряда генерал-майора Карпова 2-го. Архивист перечисляет восемь донских полков, входивших в отряд, располагавшийся на крайнем левом фланге 2-й Западной армии: южнее деревни Утицы, затем в районе Старой Смоленской дороги. Автор статьи сообщает также, что рота Донской конной артиллерии войскового старшины Петра Тацына состояла при 2-й сводно-гренадерской дивизии генерал-майора графа Воронцова и действовала у Флешей и у д. Семеновское.

Журнал «1812-й год» опубликовал материалы о создании в Москве Музея Отечественной войны 1812 года. Историк Миллер (под псевдонимом П. Муров)¹⁹ сообщал о том, что идея строительства такого музея родилась на Бородинском поле. Приезжавшие экскурсанты обзоредали памятник на батарее Раевского и заходили в сторожку. В ней инвалиды войны предлагали посетителям особую книгу для внесения своих имен. Не ограничиваясь автографами, некоторые экскурсанты писали о желании устроить Музей 1812 года. Иногда они посылали в Спасо-Бородинский монастырь предметы, относящиеся к славной эпохе.

Памятник на батарее Раевского, а также экспонаты, собранные в монастыре, заинтересовали великого князя Сергея Александровича. В начале XX в. он побывал на Бородинском поле и поручил нескольким офицерам разработать план широкого ознакомления воинских частей с эпохой 1812 года. «Началось целое паломничество к памятнику и в монастырь», - пишет Миллер. Но ни частная коллекция П.И. Щукина, ни Кутузовская изба, ни келья Спасо-Бородинского монастыря, ни зал железнодорожной станции Бородино, куда были перемещены экспонаты, присланные в монастырь, «не

могли удовлетворить понятию о памятнике-музее»²⁰. Здание Музея Отечественной войны 1812 года по разным причинам не было построено. Но идея, зародившаяся в Бородине, была реализована в другой форме. Обширные коллекции экспонатов, собранные для специального музея, демонстрировались на выставке в девяти залах на четвертом этаже Исторического музея. В разное время оттуда на постоянное хранение в Бородинский музей были переданы некоторые экспонаты. Среди них - гипсовый бюст генерала Н.Н. Раевского²¹, знамя (орел) 148-го линейного французского полка и др.²²

Приготовления к юбилейным торжествам в России вызвали большой резонанс во Франции. Редактор журнала «1812-й год» подполковник В.П. Федоров в статье «Что пишут о предстоящем юбилее во Франции» опубликовал переведенные им выдержки из статьи в парижской газете L'Éclair («Освещение») от 21 февраля 1912 г. Автор статьи являлся барон де Бай - парижский корреспондент Музея Отечественной войны 1812 года, передавший этому музею огромное количество экспонатов. Этот писатель и миссионер, ставший «как бы мостом, перекинутым из Москвы в Париж», сообщал о том, что мысль о придании юбилейному торжеству безобидного для французов от теньки принадлежит русскому царю. Барон вспоминал об аудиенции, данной императором в 1908 г., когда было принято решение о создании Музея 1812 года. Царь высказал тогда суждение на характер предстоящих празднеств: «Я желаю, чтобы возможно более было французских воспоминаний, соединенных с русскими, и чтобы одинаковая благодарность чествовала героев двух наций... 1812 год! Какая пропасть между двумя странами! Какая жертва! Сколько пролито крови! Но сколько и перемен за этот век! Русские и французы научились, сражаясь, познавать друг друга...»²³ В такой спроектированной в верхах дружелюбной атмосфере закономерной является идея французов воздвигнуть на русской земле, в Бородине, памятник французским солдатам там и реализовать эту идею.

Редактор Федоров опубликовал также очерк барона де Бая «Бородино», считая, что его содержание подходит к настроению юбилейного года. Барон посетил в 1911 г. Бородинское поле, побывал в деревне Романцево, в имении А.К. Варженевского, предводителя дворянства Можайского уезда. Дед гостеприимного хозяина, Александр Иванович Варженевский, в чине штабс-капитана сражался в Бородинской битве на Старой Смоленской дороге в Брестском пехотном полку в составе 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта З.Д. Олсуфьева 3-го. Предводитель дворянства сопровождал барона по всем уголкам поля сражения. Обзорев место битвы, де Бай называл время «великим миrotворцем», предающим забвению различные мнения в спорных вопросах. И привел в пример примиряющую формулу «с оттенком тончайшей хитрости» безымянного автора: «Французы выиграли битву в Москве, а русские в Бородине». Вероятно, эту парадоксальную фразу сочинил сам барон. Хитрость, замешанная на иронии, в формуле есть, потому что она зафиксировала лишь начальную стадию событий. И скрыла их радикально противоположные последствия. В Бородине барон нашел исходную точку союза России с Францией: битва двух народов родила славу и взаимное уважение русских и французов. Поле сражения вызвало восхищение автора очерка. По его мнению, и русские, и французы - «славные и храбрые воины», и пали они «в героической борьбе». Создается впечатление, что в Бородинской битве они были не противниками, а союзниками. Обзоревая «редут Раевского» и его окрестности, де Бай и здесь находит примиряющую идею: это место он называет «подземным кладбищем», земля которого «хранит в своих недрах соединенные кости доблестных воинов», где русские и французы «соединены в вечном покое, сделавшись братьями навеки»²⁴. Выходит, чтобы стать братьями, нужно умереть. Далее автор очерка рассказывает о Спасо-Бородинском монастыре и его основательнице. В основу сюжета о вешем сне Маргариты Михайловны Тучковой он положил легендарную историю, обнаруженную в свое время писательницей Е.В. Новосильцевой (псевдоним Т. Толычева)²⁵.

Барон подчеркивал самый дружественный прием, который испытывают французы, прибывающие в Бородино. В имении Варженевского де Бай показали перья Александра Дюма-отца, которыми он писал заметки во время посещения поля битвы 8-9 августа 1858 г. Барон обозревал также портрет деда Варженевского, изображенного в 1855 г., когда он был в генеральском чине. Две бородинские ночи де Бай провел в имении Н.Н. Усова в Новом Селе, в доме, сожженном накануне битвы и отстроенном вновь.

В дополнение к очерку де Бая редактор журнала поместил отрывок из пьесы «Наполеон в России» А.Д. Львовой, инспектора Московского театрального училища, члена Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года. В отрывке со слов солдата воспроизводится эпизод героической гибели генерала Тучкова 4-го.

Из других художественных произведений необходимо отметить стихотворения Н. Каменского «На Бородинских полях», Б.Л. Маймексула «Бородино и Москва». Бородинское сказание «Мария Тучкова» опубликовал в журнале видный земский начальник Московской губернии, владелец небольшого имения на мызе Михайловской Бородинской во вдове Н.Н. Полянский (псевдоним Н. П-ский). В пятнадцати строфах сказания освещена драматическая судьба основательницы монастыря на фоне грозных событий 1812 года. Напевной плавностью трехстопного амфибрахия сказание отталкивается от баллады М.Ю. Лермонтова «Воздушный корабль». Повествованию свойственна поэтика прямого, по-народному безоговорочного слова: «Маргарита Тучкова милей и сердечнее всех», а молодой генерал «храбрый и честный». Лаконично показан исторический фон и действия главных героев:

В те дальние, смутные годы Гремела в Европе война - И с мужем делила походы Её молодая жена.

Пунктиром намечен пейзаж Бородинского поля: Был август... Береза желтела; Тянулись на юг журавли.

Динамична строфа о героической гибели того, с кем Маргарита Тучкова «делила походы»:

И бой бородинский кровавый Окрест загремел. застонал, -И пал за отчизну, со
славой, Тучков - молодой генерал.

Выразителен в одной из строф сказания фольклорный прием от ричательного параллелизма:

Не тихие струйки журчали, Не песни лились слова: Вся полная скорбной печали
Рыдала Тучкова вдова.

Романтична сцена поиска Тучковой останков павшего генерала:

В час ночи - луна не светила, -Отринув таинственный страх, Она по полям
проходила И с ней - престарелый монах.

Ей факелы тускло мерцали, И груды кровавые тел На горах кровавых лежали,
Да ветер осенний шумел²⁶.

В финале упомянуты воздвигнутая Тучковой «святая обитель», «священный обряд постриженья» и «деянья благие», ставшие бес смертными навек.

Итак, бородинская тема коснулась почти всех отделов объявлен ной журналом «1812-й год» программы: официального, где публикo вались высочайшие приказы, циркуляры, распоряжения, относящиеся к юбилею, описания событий Бородинской битвы, литературного, ме муаров современников, архивных документов, извлечений из докладов членов Императорского Русского Военно-исторического Общества и Кружка ревнителей памяти Отечественной войны, музыкальных произведений, описания памятников, библиографического и спра вочного отделов. Объективный анализ материалов, опубликованных в этом журнале, обогатит историографию Отечественной войны и Бородинской битвы в частности. Учет разносторонней информации, сосредоточенной в этом издании, подскажет во многом решение во просов приближающегося 200-летия великого события.

приложение

Перечень материалов о Бородинской битве в журнале «1812-й год»

- Дневник русского офицера (Коваленского). 1912. №3. С. 113.
Пузанов В. Граф Матвей Иванович Платов. 1912. №5. С. 176-177.
Бородино (Из записной книжки барона де Бая). 1912. №7. С. 253-256.
Поликарпов Н. Честь забытым героям. 1912. №8. С. 284-286. №9/10. С. 331.
Поликарпов Н. Состав и роль Московского ополчения в Бородинском сра жении 26 августа 1812 г. 1912. №8. С. 296-298.
Ротмистр Базилевич. Герой 1812 года генерал А.И. Базилевич: Биограф. очерк. 1912. №13/14. С. 480-481.
Каменский Николай. На Бородинских полях. 1912. №15/16. С. 492.
Панов М. Бородинский бой. №15/16. С. 493-500.
Поликарпов Н. Боевые действия и подвиги казачьих полков и Донской конной артиллерии в сражении 26 авг. (7 сент.) 1812 г. при селе Бородине. №15/16. С. 500-509.
Поликарпов Н. Бородино 26 августа (7 сент. н. с.) 1812 г.: Личный состав штабов и боев. расписание рус. армий. №15/16. С. 510-525.
Дневник подпоручика 1-го пионерного полка Горбунова. № 6. С. 227-228.
Поликарпов Н. Роспись войсковых частей, участвовавших в сражении 26 авг. (7 сент.) 1812 г. при селе Бородине Можайского уезда Моск. губ. №15/16. С. 525-529.
Левшин А. Великий канун. №15/16. С. 530-532.
Л-ъ. После смерти (Этюд). №15/16. С. 536-537.
Пузанов В. Казаки в войне 1812 года: Донцы в Бородинском бою. №15/16. С. 543-545.
Левшин А. Пруссак о походе Наполеона в Россию. №15/16. С. 546-549. Бородинская казачья песня. №15/16. С. 551.
Бородинская солдатская песня. 1912 [1914]. №17/24. С. 4. Благодарность за Бородинское сражение (Приказ Кутузова 28 августа 1812 г.). №17/24. С. 9.
Маймескул Б.Л. Бородино и Москва. №17/24. С. 23.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 730.
- ² 1812-й год. 1912. №1. С. 2.
- ³ Там же. 1912. №5. С. 189.
- ⁴ Там же. 1912. №6. С. 228.
- ⁵ Там же. 1912. №3. С. 113.
- ⁶ Там же. С. 104.
- ⁷ Там же. 1912. №8. С. 296-298. См. также: *Поликарпов Н.* Честь забытым героям // Там же. С. 284-286.
- ⁸ *Васильев А.А., Елисеев А.А.* Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 г.: Состав войска и их численность. М., 1997. С. 54.
- ⁹ 1812-й год. 1912. №15/16. С. 525-529.
- ¹⁰ *Поликарпов Н.* Бородино 26 августа (7 сент. н.с.) 1812 г.: Личный состав штабов и боев. расписание рус. армий // 1812-й год. №15/16. С. 510-525.
- ¹¹ Там же. С. 510, 511.
- ¹² *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 536.
- ¹³ *Поликарпов Н.* Боевые действия и подвиги казачьих полков и Донской конной артиллерии в сражении 26 авг. (7 сент.) 1812 г. при селе Бородине // 1812-й год. №15/16. С. 500-509.
- ¹⁴ *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 545.
- ¹⁵ *Шведов С.В., Турусов В.П.* Башкиро-мещеряжское войско // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. С. 53.
- ¹⁶ *Попов А.И.* Бородино: Сев. фланг. М., 2008.
- ¹⁷ *Сапожников А.И.* Записка атамана Платова о Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000.
- ¹⁸ *Жомини.* Политическая и военная жизнь Наполеона... 3-е изд., испр. СПб., 1844. С. 296, 297.
- ¹⁹ *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. 2. С. 204.
- ²⁰ 1812-й год. №1. С. 41.
- ²¹ Выставка 1812 года / Иллюстрир. изд. под ред. В. Божовского. М., 1913. С. 191.
- ²² Об этом знамени см.: *Федоров В.Н.* Трофейный орел как свидетельство славы русского оружия // Маленький город. Можайск, 2007. 22 окт.
- ²³ 1812-й год. №6. С. 229.
- ²⁴ Там же. 1912. №7. С. 253.
- ²⁵ *Толычева Т.* Спасо-Бородинский монастырь и его основательница. М., 1875. Легенда записана со слов Марии Алексеевны Тучковой, племянницы генерала А.А. Тучкова 4-го.
- ²⁶ 1812-й год. 1912. №15/16. С. 530.